

Успокоив Сюэ Фэйфэна, Шэнь Цинжань отправился на кухню готовить ужин. Теперь он справлялся с растопкой печи всё увереннее: стоило лишь посильнее надуть щеки да легонько дунуть, как сухой трут тут же весело принимался трещать и разгораться.

Парень невольно потер лицо — из-за того, что в первые дни он дул на угли совершенно неправильно, у него до сих пор ныли мышцы щек.

Налив в котелок свежей воды, он всыпал туда рис и сразу же опустил яйца. Когда зерна начали развариваться, он выловил их черпаком и переложил в бамбуковую пароварку, дно которой предварительно застелил чистым шелком, чтобы довести рис до готовности на пару.

А чтобы овощи снова не подгорели, Шэнь Цинжань пошел на хитрость: он просто вывалил собранный на поле молодой редис вместе с сочной ботвой прямо на рис в пароварку. Когда всё дойдет до готовности, останется лишь обмакнуть овощи в соус и съесть вместе с кашей.

Этот топорный способ готовки до боли напоминал варку свиного месива, однако сам Шэнь Цинжань пребывал в полном восторге от собственной изобретательности.

Орудя пальцами с величайшей осторожностью, он принялся счищать скорлупу с вареных яиц. Из трех штук Сюэ Фэйфэну полагалось два, а ему самому — всего одно.

Шэнь Цинжань никак не мог совладать с силой огня, из-за чего поначалу жутко не любил варить сухой, рассыпчатый рис, предпочитая жидкую кашу. Но за два дня наблюдений он заметил, что если на столе оказывалась жидкая размазня, Сюэ Фэйфэн почти всегда оставался голодным.

Хоть его названный муж и словом об этом не обмолвился, Шэнь Цинжань с тех пор твердо решил: теперь, когда была возможность, он всегда старался готовить только полноценный, сухой рис.

Конечно же, руководствуясь исключительно ленью, он по-прежнему варил за один раз порцию, которой должно было хватить сразу на два приема пищи. Парень с долей тревоги ковырял скорлупу: «Что же я буду делать, когда наступит лето и еда начнет пропадать в один миг?»

Пока ужин допревал на огне, Шэнь Цинжань сходил проведать огромного белого гуся. Птица, судя по всему, прекрасно осознала, что именно этот немой парень проявил к ней милосердие и не пустил на суп: завидев хозяина, гусь дружелюбно захлопал крыльями, выказывая полное расположение.

Отойдя от печи, Шэнь Цинжань зябко потер руки от сквозняка. «Как там, бишь, шьются пуховики?» — тоскливо подумал он.

По пути он заглянул в горшок с саженцем синего дуба, который принес Сюэ Фэйфэн. Растение выглядело совсем чахлым, листья подернулись серой дымкой — бог весть, приживется ли вообще.

Шэнь Цинжань щедро посыпал землю вокруг корней древесной золой, после чего подсыпал в корыто домашней птице добрых полфунта пшеничных отрубей.

«И откуда только берется столько забот?» — мысленно вздохнул записной лодырь Шэнь Цинжань, потирая затекшую поясницу.

Оставалось радоваться лишь тому, что прежние хозяева дома хотя бы не оставили после себя

огромных засеянных полей.

За ужином Сюэ Фэйфэн подцепил палочками из тарелки полоску редисовой ботвы, которая от корня до самого кончика была длиной едва ли не с его предплечье. Чтобы отправить её в рот, мужчине пришлось задрать руку чуть ли не выше головы — Шэнь Цинжань даже не удосужился её нарезать.

На столе исходила паром пиала с соусом. Парень заботливо истолок туда несколько долек чеснока, щедро плеснул темного уксуса, насыпал белого сахара и разбавил всё соевым соусом. Вот только пропорции вышли далеки от идеала, отчего приправа разила изрядной кислинкой.

Огромная бадья с соусом наглядно выдавала намерение повара разделаться с готовкой раз и навсегда.

Сюэ Фэйфэн с абсолютно невозмутимым видом принялся полоскать разваренную ботву в пиале с приправой.

Выражение его лица при этом было столь благородным, словно он сидел на императорском пиру и вкушал сочного запеченного ягненка, приготовленного лучшими поварами дворца. Хотя на самом деле это был период едва ли не самого худшего рациона в его жизни.

Шэнь Цинжань уныло ковырялся в своей миске с рисом, его порция по объему не превышала аппетит новорожденного котенка. В еде он оказался невероятным привередой, превзойдя в этом даже прежнего хозяина тела — на каждый продукт он взирал с глубочайшим отвращением.

Сюэ Фэйфэн больше не мог на это смотреть.

За последние пару дней парень ел так ничтожно мало, что его подбородок заметно заострился. Мужчина уже почти не помнил того жирного, вечно объедающегося скользкого типа, каким прежний Шэнь Цинжань был еще декаду назад — те времена казались чем-то бесконечно далеким, словно из прошлой жизни.

— Не можешь есть овощи? Хочешь мяса? — спросил Сюэ Фэйфэн, прикидывая в уме, не сходить ли ему под покровом ночи в лес, чтобы добыть какую-нибудь дичь.

Шэнь Цинжань лишь понуро покачал головой. Проблема была вовсе не в отсутствии мяса — в конце концов, в птичнике всё еще топтался упитанный гусь. Вся беда крылась исключительно в квалификации шеф-повара.

Его стряпня была просто невыносимо отвратительной! Шэнь Цинжань на собственной шкуре убедился, что все эти книжные восторги про «абсолютно экологически чистые овощи без нитратов, впитавшие в себя духовную энергию неба и земли, соки солнца и луны... вкус которых без всяких приправ превосходит отборную ягнятину», — полнейшая чушь.

В его голове вертелось лишь одно емкое слово: «Гадость».

Он мрачно подумал, что главные героини романов, должно быть, питаются исключительно духовной сущностью этих овощей, в то время как сам он оставался существом приземленным и примитивным.

Парень бросил мимолетный взгляд на Сюэ Фэйфэна, который уплетал ботву за обе щеки, и ему до безумия захотелось спросить у него: «Ты тоже сейчас вкушаешь её душу?»

В этом жестоком и полном несправедливости мире только отварной рис сохранял свой привычный, знакомый с детства вкус.

Сюэ Фэйфэн то и дело замечал, что Шэнь Цинжань мимоходом придерживает ладонью поясницу — судя по всему, там действительно остался сильный ушиб.

Вспомнив утренний инцидент со свистящими ножнами меча, он испытал глубокое раскаяние от того, что из-за дурноты совсем позабыл расспросить «супругу», задел он ее тогда или нет.

Мужчина подкатился к шкафу, достал два флакона с лечебным притирочным маслом и жестом велел Шэнь Цинжаню лечь на кровать лицом вниз.

Парень ответил решительным и категорическим отказом.

Он ни за какие коврижки не согласился бы приподнять перед Сюэ Фэйфэном даже самый край одежды! Стоит этому суровому генералу прознать про его истинный пол, и Шэнь Цинжань в ту же секунду лишится даже своей миски пресного риса.

— Ложись, — Сюэ Фэйфэн сам не заметил, как в его голосе прорезался привычный командный тон, каким он обычно отдавал приказы в военном лагере. Но завидев испуг и изумление в глазах «супруги», он тут же смягчил голос: — Нужно хорошенько растереть ушиб, иначе завтра ты просто не сможешь разогнуться от боли.

Родня Шэнь Цинжана по материнской линии испокон веков занималась торговлей, в то время как отец и старшие братья целиком посвятили себя ратному делу. Сам он уродился весь в матушку — изнеженный, ленивый и совершенно не приспособленный к суровому быту, но при этом унаследовавший от неё одну забавную черту: они оба питали абсолютную слабость перед суровой армейской выправкой военных мужчин.

Стоило такому человеку подать голос, как они тут же беспрекословно подчинялись.

Опустившись на кровать Сюэ Фэйфэна, Шэнь Цинжань мысленно сокрушался о непреклонной силе генетики.

«Надо же, даже в другом мире эта привычка никуда не делась».

Он со всей возможной придирчивостью жестами заставил Сюэ Фэйфэна отвернуться к стене, после чего шустро скинул верхний халат, оставшись в одних нательных штанах и тонкой рубашке. Распластавшись на животе поверх одеяла, он умудрился в таком положении с невероятным трудом натянуть снятый халат поверх своих бедер.

Отсутствие груди у «жены» еще можно было списать на общую худобу, а вот мужское достоинство следовало прятать с величайшей тщательностью.

Сюэ Фэйфэн подогнал кресло вплотную к краю постели, протянул руку и аккуратно приподнял нижний край его рубашки. В то же мгновение его дыхание замерло.

Кожа на спине, которая круглый год была скрыта под слоями плотной одежды, оказалась белоснежной и гладкой, словно свежие сливки. И на этом безупречном молочном фоне огромный темно-багровый кровоподтек с левой стороны выглядел поистине ужасающе.

Тяжелая деревянная конструкция перевернулась и со всей силы приложила его по пояснице; Шэнь Цинжань тогда от дикой боли даже вскрикнуть не сумел, успев лишь мимоходом

поразиться закону сохранения импульса. Из этого следовало лишь одно: Сюэ Фэйфэн швырнул свои ножны с поистине чудовищной силой.

Широкая, мозолистая ладонь, пахнувшая согревающим травяным маслом, мягко опустилась на его поясницу. После первой резкой вспышки боли по телу разлилось приятное, покалывающее тепло; массажные движения мужчины оказались столь точными и приятными, что Шэнь Цинжань пришлось со всей силы прикусить собственный палец, чтобы случайно не издать двусмысленный стон.

— Прости меня, — тихо произнес Сюэ Фэйфэн.

Чем более нежной и хрупкой казалась кожа под его ладонью, тем сильнее его терзало чувство собственной вины.

Шэнь Цинжань повернул голову и мягко улыбнулся мужу, давая понять, что всё в порядке. В конце концов, он сам первым делом едва не отправил Сюэ Фэйфэна на тот свет своей ядовитой тыквой, так что они были квиты — один один, никто никому ничего не должен.

Однако Сюэ Фэйфэн расценил эту улыбку как попытку сделать хорошую мину при плохой игре, отчего его сердце сжалось еще сильнее.

Если бы Шэнь Цинжань могла говорить, она бы наверняка сейчас вовсю кричала от боли. Но она не могла издать ни единого звука.

Сюэ Фэйфэн впервые в своей жизни испытывал к кому-то столь острую, щемящую жалость. В его голосе прорезалась непривычная, глубокая нежность:

— Не кусай пальцы. Если будет очень больно — кусай меня.

С этими словами он мягко, но решительно вытащил руку парня из его рта. Лишившись опоры, Шэнь Цинжань едва снова не издал стон.

«Да мне вообще не больно, мне просто до безумия хорошо!»

— Сегодня ложись спать на кровати, — Сюэ Фэйфэн переложил постельные принадлежности парня на матрас. — Ночи нынче стоят холодные, укроешься сразу двумя одеялами.

«А как же ты?» — быстро вывел на его ладони Шэнь Цинжань.

— Я человек военный, мне закалка позволяет спать где угодно.

Шэнь Цинжань безжалостно напомнил ему о главном, выведя: «Тебе ночью еще яйца высиживать, так что без вариантов...»

Вся жалость и нежность в глазах Сюэ Фэйфэна в один миг испарились, и он сухо выдавил:

— О.

Глядя на его глубоко уязвленный и несчастный вид, Шэнь Цинжань искренне не понимал, отчего муж так противится. Разве это не самое легкое, приятное и необременительное занятие, которое идеально подходило для калеки, прикованного к креслу?

«Смотри не раздави», — напутствовал парень Сюэ Фэйфэна с таким видом, словно улетающая на зимовку самка пингвина поручала супругу сберечь единственное яйцо во льдах Антарктиды.

После этого он юркнул под одеяло, свернулся калачиком и принялся усердно ворочаться, чтобы согреть постель для своего названного мужа. Готово!

«Вряд ли в этом мире найдется вторая столь заботливая женушка, которая станет лично согревать постель для своего сурового суженого», — с гордостью подумал Шэнь Цинжань.

Сюэ Фэйфэн взирал на эти копошения с абсолютно каменным лицом, испытывая гамму непередаваемых чувств.

Как только Шэнь Цинжань крепко заснул на полу, Сюэ Фэйфэн бесшумно поднялся со своего места, подошел и аккуратно набросил на него еще одно плотное одеяло. После этого он вернулся к креслу и с глубочайшим отвращением устался на корзину с яйцами, покоящуюся на его коленях.

Вот если бы Шэнь Цинжань сама умудрилась снести эти яйца, он, так и быть, с грехом пополам согласился бы поработать наседкой.

«...» — Сюэ Фэйфэн резко нахмурился. О чем вообще только что думала его голова?!

В этот момент со стороны соломенной крыши донесся едва различимый шорох, и деревянная створка окна приоткрылась на крошечную щель. Мужчина бесшумной тенью выскользнул за порог избы.

Гвардеец Чан Бай, получив вчера строгий приказ господина раздобыть «бумагу», первым делом перенаправил это поручение Чан Мину, и тот со всех ног бросился исполнять волю генерала.

Великолепная рисовая бумага сорта сюань была идеально ровной, гладкой и ослепительно белой. Чан Мин лично открыл перед Сюэ Фэйфэном тяжелый лакированный ларец, доверху набитый первоклассными кистями, тушью и твердыми чернильными камнями.

Сердце верного гвардейца бешено колотилось от восторга: неужели этот жест означал, что их великий генерал наконец-то решил связаться со своими верными старыми полками, чтобы поднять знамя и затеять великое дело? Первым делом следовало стереть в порошок этого паршивого наследного принца!

Сюэ Фэйфэн принял из его рук принадлежности для письма. Подумав о том, для каких именно целей Шэнь Цинжаню понадобилась эта бумага, он крепко сжал кулаки, и в его голосе прорезались двусмысленные нотки:

— Я гляжу, у вас в последнее время появилось слишком много свободного времени? — Являться с докладом в эту глушь каждый божий день было уже явным перебором.

«Да какое там свободное время...» — Чан Мин угодливо склонил голову:

— Любое дело господина для нас превыше всего на свете! Ваш покорный слуга скакал день и ночь, не жалея коня, лишь бы доставить это в срок!

Гвардеец нетерпеливо потер ладони: «Ну же, генерал, скорее пишите указы, давайте разнесем этого пса-принца в пух и прах!»

— Свободен, можешь идти, — Сюэ Фэйфэн сухо махнул рукой.

— А? — Чан Мин растерянно почесал затылок. — У господина больше не будет никаких важных секретных поручений для своего верного слуги?

Услышав это напоминание, Сюэ Фэйфэн развернулся, зашел в избу и спустя секунду вынес наружу холщовый мешок, туго набитый куриными яйцами.

— Забирай. Будешь высиживать их до тех пор, пока не наступит рассвет, а как рассветет — можешь убираться на все четыре стороны.

Чан Мин: «???» Господин, если вам так приспичило отведать курятины, я могу скупить для вас хоть весь птичий рынок уезда, но это-то зачем?!

— Из этих яиц всё равно никогда ничего не вылупится... — ошеломленно пробормотал гвардеец. — Помнится, в моем детстве один деревенский дурачок по соседству тоже пытался заниматься подобным непотребством, так над ним вся округа потешалась. Сказали, ничего не выйдет.

Лицо «деревенского дурачка» Сюэ Фэйфэна на мгновение заметно окаменело:

— И впрямь ничего не выйдет?

— Конечно не выйдет, та кладка у дурачка через три недели попросту протухла и завоняла на всю деревню, — Чан Мин с величайшим трепетом и благоговением прижал к груди мешок с яйцами.

Он отчетливо уловил, насколько важным и значимым этот груз был для его генерала.

«Святые угодники, неужто в этих яйцах теплится жизнь будущих маленьких наследников нашего рода?!» — мысли гвардейца в ту же секунду пустились в безумный пляс, наполняясь благоговейным ужасом.

В старинных преданиях и уличных повестях частенько рассказывали о прекрасных лисицах-оборотнях и духах гор, которые принимали человеческий облик и могли даровать смертным мужьям чудесное потомство!

«Нет-нет-нет, наш генерал — человек необычайной судьбы и великой духовной силы, должно быть, лесная дева решила погреться в лучах его величия и оставила ему кладку драконьих яиц!»

Чан Мин с самым серьезным видом закивал головой, а на его глаза навернулись слезы искреннего умиления. «Всё сходится! Всё абсолютно точно сходится! Совсем скоро полтора десятка пухлых, круглоголовых карапузов будут бегать за мной гурьбой и наперебой звать дядей Чан Мином!»

Сюэ Фэйфэн, услышав слова о протухшей кладке, с видимым облегчением выдохнул. Но в то же время ему стало немного смешно от самого себя: Шэнь Цинжань просто ляпнул глупость, не подумав, а он, умудренный опытом полководец, отнесся к этому с полной серьезностью.

— Жалую их вам, забирай, — Сюэ Фэйфэн больше не желал даже смотреть на этот злосчастный мешок.

— А! — Чан Мин от удивления чуть не подпрыгнул. Значит, это всё-таки были не маленькие наследники!

От его громкого вскрика Сюэ Фэйфэн мгновенно одарил гвардейца ледяным взглядом: «Тише ты, не ровен час, разбудишь Шэнь Цинжана».

Вспомнив о том, как «супруга» в последнее время воротит нос от любой крестьянской еды и тает на глазах, мужчина негромко добавил:

— Отправляйся в столицу. Наведайся в лучшие кондитерские лавки, разузнай, какие лакомства нынче предпочитают заказывать изнеженные барышни из знатных домов... Выбери всего понемногу. Завтра же доставь сюда порцию сладостей, которые не портятся слишком быстро — они должны быть мягкими, воздушными и изысканными на вкус...

— Слушаюсь! — Чан Мин почтительно склонил голову, а перед его глазами невольно всплыла мимолетная картина, которую он успел заметить в приоткрывшуюся створку двери.

Изначально он был готов от ярости топтать ногами: эта дерзкая, бесстыжая баба мало того, что бесцеремонно отобрала у его раненого господина законное одеяло, так еще и улеглась на его постель! Но видя теперешнюю заботу генерала...

Что ж, теперь у него не оставалось никаких сомнений — перед ним определенно была их будущая законная госпожа.

<http://bllate.org/book/17933/1719951>